

Может, надо начать всё сначала:
Разобраться в себе и в людях?
И понять — за что меня любят?
Никогда я ответа не знала...

Снег засыпал дворы и крыши,
В голове моей всё засыпал,
Не сегодня он будто выпал,
А давно — и по замыслу свыше.

Разгребаю завалы мыслей,
На слова, как на нож, натыкаюсь.
В том, что прожито, я не каюсь,
Не хочу только жить так быстро.

Что-то сильно меня толкает
Совершить неосмысленно глупость.
Я словесную чувствую скупость,
Только снег меня понимает.

Я как Снежная королева,
Что спешит заморозить Кая...

Только снег меня понимает,
Он повсюду: и справа, и слева.

Что ни шаг — он хрустит под ногою,
Что ни жест — он, как искры, сыплет.
Пусть до дна меня кто-то выпьет,
Тогда жизнь моя будет другою.

Не хочу быть мрачной, холодной,
А хочу быть южной, горячей.
Может, стану я жить иначе,
А не так, как живу сегодня.

Выйду ночью на улицу. Холод.
Я, поёжившись, шаг прибавлю.
Цель найду, пред собой поставлю,
Расскажу о ней тем, кто дорог.

Снег рассказы мои услышит
И не примет за юные бредни.
Я не буду как те — из «средних»,
Цель моя — быть как можно выше.

Декабрь 2001

Нехама ВАЙСМАН

профессор кафедры литературы

В мир поэзии окунулась с детства, благодаря моей матери, влюбленной в русскую Музу. Стихов долго не писала, и только гроза войны пробудила дремавшие струны. Не надеясь, что выживу в фашистском аду, стала вести дневник, и в ночь моего рождения, 28 января 1942 года, записала в нем:

Я словно ввысь поднялась,
Всю Землю окинула взглядом
И с нею, родимой, слилась.
Видны на ней были потоки крови,
Слышны ругань и крики людей,
Я была, как в кровавом море,
Среди стонущих кораблей:
Земля раскрывала широко объятья,
И ямы на ней наполнялись людьми,
Погибшими от холода, голода, мрака,
От пули шальной на военном пути.

Была она вся изрыта оспою —
Желчью, ненавистью мелких людей,
Стоящих у трона двадцатого века
На раздорожье земных путей.
Я ожидала увидеть Землю
В лучах восходящего солнца весны,
Чтоб дети ее потеряли веру
В презренное, жалкое слово — рабы.
Но нет! Новый рейс вокруг Солнца
С тобой я иначе, Земля, проведу.
Свободы лучи из родного оконца
Обнимут и горькую душу твою.

Эти первые, неумелые стихи, написанные в старой тетради карандашом, сегодня читаются, как документ эпохи, не сумевшей убить душу живую в истребляемом гитлеровцами племени.

Так в 17 лет я начала писать... И тогда и сейчас строки как будто слетают ко мне с неба и льются... Если не запишу — могу забыть... Я — не поэт, но молчать, когда строчки вырываются на волю — не могу.

Стихи разных лет и попутные размышления

Из дневника. 18 мая 1944 г. Стены гетто пали. Я шла по парку, спешила домой, всюду влюбленные, а я одна... Любимый на фронте. В мечте о нем спешу, надвигается гроза. Побегала.

Дождь и сирень у меня на окне.

МАЙ

Вечер. Иду по кленовой аллее.
Звонко звучат шаги.
Мне страшновато: кусты сирени —
Колдуньи темноты...

Ах, поскорей бы домой добраться,
 Хоть и приятно идти.
 – Нет, оставайся, – шепчет, лаская,
 Май, нарушая покой тишины.
 Майский воздух, лаская кудри
 Темных моих волос,
 Льнет и дрожит, домой не пускает:
 – Май зла никому не принес.
 – У! Какой хитрый. Не верю, лукавый,
 Знаю проделки твои.
 Ты, как русалка, обманешь
 Лучшие грезы мои...
 Знаю, что лучше, чем в мае,
 Нигде соловей не пел...
 Краше ковров не создали,
 Чем майскую зелень травы.
 Лучше благоуханья
 Земли зеленой в мае
 Не было и не будет
 Даже в чудесном рае...
 И потому, подумав,
 Ответила дерзкому маю я:
 – Я ухожу, потому что обманешь,
 Хоть и люблю тебя...
 И взволновались кусты сирени,
 Шелест прошел по ним.
 И набежало облако пыли
 На смуглые ноги мои.
 И рассердился не в шутку, играя
 Прядью моих волос,
 Ветер весенний, ветер мая
 И... брызнул дождь...

26 января 1945 г. Киев. Еще война, но радость переполняет сердца: наши войска стремительно движутся на Запад. Мы уже учимся! Ничего, что в третью смену! Главное – остались живы! Нас переполняет счастье! Как прекрасен любимый город! Мы молоды! Мы счастливы! Вся жизнь – впереди!

ВЕЧЕР МОРОЗНЫЙ

Свежий морозный воздух,
 Светлая ночь над Киевом,
 Пляшут, искрятся в танце
 Мириады звезд-снежинок.
 С Галинкой идем из читалки,
 Бредим Элладой, Римом,
 Вспомнили о Геракле,
 Боях под Саламином,
 Алкее, Сапфо, Эврепиде,
 Эхиле, Аристофане.
 Грезы смешались с гимном –
 Победа над Германией.
 Дорога ясна, как в сказке.
 Мир – как на ладони.
 Сесть бы сейчас в салазки
 И – с Владимирской горки!

Впрочем, пора. До завтра,
 – Как хорошо, что мы молоды!
 Пойдем в выходной в Лавру.
 – Пойдем! Спокойной ночи.
 Свежий морозный воздух,
 Светлая ночь над Киевом,
 Пляшут, искрятся в танце
 Мириады звезд-снежинок.

* * *

И снова я иду одна...
 И снова грусть сжимает сердце.
 И снова нет со мной тебя,
 Мой друг. Иду бесцельно.
 Шумит вблизи ветвями бор.
 Ворчливо Днепр выводит песню.
 Январь. Но так сейчас тепло.
 И воздух так дрожит... О, лейся,
 Моя печаль, смешайся с небом,
 С облаками и вновь
 Спустишься на землю, тая,
 Сребристым снегом-молоком.
 Хотела б сесть на ту скамейку.
 Щеку горячую прижать
 К снежинкам, тающим, как песня,
 И тихо-тихо счастье звать...
 Напрасно. Он далек, как сон,
 На фронте где-то, где нет места
 Моей печали и слезам,
 А только Жизнь, и Смерть, и Сталь.
 28 января 1945

Налетели строки, как всегда в минуты волнения, тоски по любимому, в минуту одиночества. Отправила их Диме на фронт, он показал товарищам, гордился своей Нюсенькой (как называл меня всегда), назвал в письме «настоящей поэтессой». Не заслужила этих слов, но была счастлива, продолжала ждать до того рокового дня, когда узнала о безвозвратной потере. Письма его храню как святыню.

Прошло 40 лет...

* * *

Как изменился Могилев!
 Ракеты дымной прочерк в небе,
 Домов высотных статный строй,
 Но мне милее довоенный –
 Кругом сады, гуденье пчел,
 Костел и крепость над рекою,
 И маминой руки надзор,
 Сопровождавшей даже в школу.
 Идут года, и все прошло:
 И детства радость, и печали,
 Но ты остался, мой родной,
 О, Днестр, зеленый, беспечальный!
 Гляжусь я в зеркало твое,
 И предо мной мелькают годы,

И вижу я в волнах твоих
Себя, и маму, и природу...
Благословенна будь, река,
Дарящая мне радость встречи
С далеким детством. Будь добра,
Продли мгновенье это в вечность...

Могилев – Благовещенск. 1986

Это о моем родном городе Могилев-Подольске, в котором прошло золотое детство, школьные годы и ужасы оккупации. Там – дорогие мне могилы незабвенных родителей.

ПЕСНЬ НАДАМУРОМ

Над Амуром седым тополя
Пламенеют кострами вершин.
И цветет Благовещенск, маня
Многоцветьем осенних картин.
Как хорош ты, мой город родной!
Стрелы улиц, простор площадей,
Где в старинных домов узор
Вплелся облик сегодняшних дней.

И работать и жить легко!
И летят, словно птицы, года,
Оставляя свой светлый след
Навсегда, навсегда, навсегда!..

Благовещенск. Сентябрь 1984

Чудный город на Амуре стал моей второй родиной, а написанные стихи вдохновили композитора Сергея Зражевского на создание песни.

Увидела прощание матери с дочерью на станции Ружино, защемило сердце. Вспомнила одно из последних расставаний с родителями, и душившие слезы по добрым теням вселились в эти строки...

* * *

Так и застыли на дальнем перроне
Мать и отец.
Машут рукою, улыбкою теплой
Шлют мне привет.
И сиротливою, старую парой
Вдаль побредут,
Благословляя летящую дочку
На неизведанный путь...
Боги земные и боги небесные,
Как мне вернуть время ушедшее,
Детства далекого сладкий приют?
Вижу застывшие добрые тени,
Как в полусне,
А на перроне – все ели, да ели
В закатном огне...

Ружино – Благовещенск. Март 1985

* * *

По «Юности» бегают парни
И прыгают в высоту.
За ними девчонки парами
Стремятся догнать их в пылу.
И небо – синее-синее.
И солнца – шар золотой,
Звучит спортивная музыка
И голос всегда молодой!
Да здравствует город чудесный,
Где столько рекордов шальных,
Где людям живется радостно,
И сердце летит в зенит!
Стою я с внуками. Счастлива!
Нет бурь, ничего не грозит.
Да здравствует Юность прекрасная,
Которая всех молодит!

На стадионе «Юность». 15 июня 2001

Передала там же, на стадионе, нахлынувшие на меня чувства счастья, находясь вместе с внуками, один из которых стал чемпионом Дальнего Востока по прыжкам в высоту.

МИГ

Я сижу на скамейке под рыжим дождем:
Тополиные медленно падают листья.
И алеют кусты предоктябрьским огнем,
И легко и привольно дышится в мире.

Зеленеет трава на газонах кругом,
В небе солнышко щедрое катится,
Будто лето вернулось и манит теплом
В многоцветье осеннем радостном.

Как сберечь этот миг? Преградить всем ветрам
И холодным метелям дорогу?..
Но ведь снова весна расцветет, как всегда,
И вспорхнет синей птицей в природу!

* * *

Не черти мне чертей,
Не рисуй бесенят –
И без них мне грозят
Все подряд, все подряд.

Ухвачусь я за луч –
Солнца луч золотой,
И взлечу в небеса,
И найду там покой.
А пока, а пока
Буду жить и творить,
Мне не нужно чертей –
И без них тошно жить.

Лишь работа одна
Нас спасет на земле.
А что будет потом? –
Нам неведомо всем...

СУДЬБА?..

Два разбитых человека,
Искалеченных судьбой,
Остаются в доме этом —
Сам с собой, сама с собой.

Мчались зимы, мчались лета,
И шумел наш бурный век:
Два свободных человека —
Каждый думал о себе.

Годы шли, летело время,
Подрастал их детский сад,

Не успели оглянуться,
А уж внуков — пять подряд.

Но с закрытыми сердцами
Входят в новый век они,
Потеряв бывшее пламя,
Растеряв свои мечты.

Два разбитых человека
С искалеченной судьбой
Остаются в доме этом —
Сам с собой, сама с собой.

Июнь 2002

Хромающие юморески

ВРЕМЯ ГОРБАЧЕВА

(вместо предисловия)

Куриные лапы поплыли в авоське,
А время скулило из маленькой соски.
Смеялась счастливая мать:
Не буду я больше рыдать,
Сварю холодец, накормлю Приамурье,
И станут веселыми люди и куры...

НА ГОСЭКЗАМЕНЕ ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Якушкина сказала:
«Я Пушкина люблю».
Кукушка куковала:
«Ку-ку, ку-ку, ку-ку!»
Якушкина рыдала:
«Я к Пушкину хочу!...»
Слезами заливалась:
«Я без него умру...»

Выпускница факультета по фамилии Якушкина действительно любила первого русского поэта, но, увы, никак не могла подкрепить свои эмоции аргументами...

НА ЗАЧЕТЕ ПО АНТИЧКЕ

Тоскует и плачет Венера
Над синим прозрачным ручьем,
А славные девы Амура
Зачет свой сдают в водоем.

И смех гомерический льется
Из девичьих уст молодых,
И песня стострунная бьется
О мозга тяжелый гранит.

НА ЭКЗАМЕНЕ ПО ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

Красовская Светлана
Сидела под Белинским.
Его не видно было,
Но дух его витал.

Лились из уст младенцев
Серьезнейшие вещи,
Поэты удивлялись,
Их ропот нарастал!

«Напрасно мы боялись!
Грядущая Россия
Не сгинет, не заплачет,
Поднимется в веках!

Как сладостно нам было», —
Сказали они разом,
Глядя на нас с портретов,
И голос их пропал...

С. И. Красовская — доцент кафедры литературы, читает студентам I курса дисциплину «Теория литературы. Поэтика».

НА ЛЕКЦИИ МОСКОВСКОГО ПРОФЕССОРА

Как ныне собирается вещий Олег
Про дольник сказать свое слово.
И замер весь зал, и внимает ему,
Как будто бы Божьему слову.

А дольник качает нас всех на волнах,
Баюкает и замирает...
И счастливы мы, и плывем на волнах,
И юность свою вспоминаем.